

Чиновники: «.....» Сейчас что, время обсуждать, что есть?! Время обсуждать, сладко или нет?! А! Эта пара сводит людей с ума!

Вместо этого Цзи Юйцзинь рассмеялся дважды, заставив Чу Фэнцина посмотреть на него как на сумасшедшего. На этот раз Цзи Юйцзинь понизил голос и прошептал ему на ухо так, что только они двое могли слышать:

— Ха-ха-ха, ты, маленький больной росток, ты мне вполне по нраву. Будь ты мужчиной, я бы непременно стал с тобой побратимом.

Чу Фэнцин: «.....»

К счастью, Ли Юй этого не слышал; иначе он определённо захотел бы встряхнуть мозг Цзи Юйцзиня, чтобы узнать, из чего он сделан.

Наследный принц, сидевший на первом месте, взглянул на вставших чиновников, затем посмотрел на Цзи Юйцзиня. Он изогнул губы и наконец сказал:

— Это и впрямь начал Седьмой брат. Седьмой брат, извинись.

Чжао Линь: «.....»

Его лицо было чёрным как уголь, и вены на тыльной стороне руки, державшей бокал с вином, вздулись. Хотя и с неохотой, он всё же не смел ослушаться Наследного принца. Ему оставалось лишь стиснуть зубы и холодно сказать:

— Господин Глава, простите меня.

Цзи Юйцзинь покачал чашу в своей руке и сказал:

— Этот слуга не смеет принять это, но моя жена...

Чжао Линь:

— Цзи Юйцзинь, не заходи слишком далеко!

Цзи Юйцзинь тоже ничего не сказал, он просто смотрел на него со слабой улыбкой.

Чжао Линь знал, что выхода нет. Он смотрел на угрозы чиновников, затем на Наследного принца, стоявшего рядом с Цзи Юйцзинем. Он закрыл глаза и хриплым голосом произнёс:

— Госпожа, простите меня.

Чу Фэнцин слегка кивнул, и Цзи Юйцзинь поднял руку и выпил бокал вина. Затем все чиновники заняли свои места.

Чжао Линь вышел с мрачным лицом, чтобы переодеться. Чжао Июй поджал губы и посмотрел на место Цзи Юйцзиня с оттенком враждебности в глазах, но быстро вернулся к своей нежной улыбке.

После того как в зале снова стало шумно, Чу Фэнцин сказал:

— Вам не нужно так защищать меня.

Цзи Юйцзинь отпил глоток вина и лениво сказал:

— В конце концов, ты теперь Госпожа. Если не я тебя защищу, то кто?

Он снова нахмурился и сердито сказал:

— У тебя и впрямь нет совести, разве защищать тебя — это неправильно?

Чу Фэнцин поднял глаза, чтобы посмотреть на него, и, видя его таким, не мог не поджать губы в улыбке:

— Так вы похожи на сварливую женщину.

Цзи Юйцзинь: «.....»

Он отставил вино, приподнял уголок рта и постучал пальцем по лбу:

— Эй, ты, маленький больной росток, я вижу, ты становишься всё смелее и смелее и даже осмеливаешься дразнить меня. Не знаю, кто это был так напуган, что не смел сказать ни слова.

— О, я забыл, ты сказала, это был не страх, а застенчивость, верно?

Чу Фэнцин, чьё прошлое было поднято: «.....» Нет, он ничего не слышал.

На самом деле все чиновники внизу были чрезвычайно любопытны насчёт Чу Фэнцина. Все говорили, что Цзи Юйцзинь женился на первой красавице столицы, но никто никогда её не видел. Наконец-то она вышла, но была туго закутана в вуаль. Можно было лишь видеть, что её

аура и впрямь не как у обычного человека.

Хотя всем было чрезвычайно любопытно, никто не осмеливался подойти и расспросить. Это же Цзи Юйцзинь! Как они могли осмелиться оскорбить того, кто осмеливался бить даже принцев? В это время Ли Юй, видевший истинное лицо Чу Фэнцина, стал ходовым товаром. Все обращались к нему за новостями под предлогом поднятия тостов.

Они не смели провоцировать Цзи Юйцзиня, но Ли Юй — это было можно, поэтому Ли Юй наслаждался таким обращением, какого никогда раньше не испытывал. Его детское лицо покраснело от лести, и он раздулся от гордости. Обращаясь к тем, кто подходил к нему с вопросами, он притворялся глубокомысленным и говорил:

— Внешность Госпожи невозможно описать ясно в нескольких словах. Нет! Вернее будет сказать, что нет слов, чтобы описать такую красоту. Короче говоря, она так прекрасна, что может сокрушить царство. Такая красота существует лишь на небесах, достаточная, чтобы заставить рыб утонуть, гусей упасть с неба, а луну и цветы устыдиться...

Он использовал всё своё красноречие, произнеся вереницу слов. Когда он больше не мог говорить, он кашлянул дважды и сказал:

— В любом случае, то, что вы все не увидели её, — великое сожаление всей жизни, ц-ц-ц.

Один чиновник не мог вынести его самодовольного вида и сказал:

— Ли Юй, чем ты так гордишься? Она даже не твоя жена. Ты вырос вместе с Главой. Даже у Главы есть жена, а у тебя даже служанки нет. Глава, может, и евнух, но он держит в объятиях красавицу, известную всей столице. Чего стоит твоя грубая сила по сравнению с этим?

Ли Юй: «.....» «Птчи» «Птчи». По какой-то причине ему всё время казалось, что бесчисленные невидимые стрелы пронзают его сердце. Он коснулся груди — это было слишком жестоко!

Чжао Июй то и дело поглядывал на стол Цзи Юйцзиня краем глаза. Когда он видел взаимодействие между ними, в нём поднималась странная эмоция. Заметив эту странную эмоцию в себе, он на мгновение опешил, опустил глаза и сделал несколько больших глотков вина.

В это время медленно вошёл император, и все чиновники воскликнули: «Да здравствует император десять тысяч лет». После церемонии император сел и с первого взгляда увидел Чу Фэнцина в вуали.

Он посмотрел на Цзи Юйцзиня:

— Цзи Цин, это?..

Цзи Юйцзинь встал и ответил:

— Отвечаю Вашему Величеству, жена этого слуги выросла в Цзяннани и не знает правил имперской столицы. Этот слуга боялся, что она оскорбит благородных людей, поэтому этот слуга осмелился держать её рядом с собой. Этот слуга надеется, что Ваше Величество поймёт.

Его слова заставили императора громко рассмеяться:

— Чжэнь понимает, Чжэнь понимает. Редко можно увидеть Цзи Цина с этой стороны. Похоже, Чжэнь был прав, даровав тебе этот брак.

Расспросив Цзи Юйцзиня, он заметил ещё одно пустое место, затем посмотрел на своих сыновей и спросил:

— Где Сяо Ци?

Чжао Июй встал и ответил:

— Отвечаю Вашему Величеству, одежда Линьэр была промочена вином. Он пошёл переодеться и скоро будет.

Император слегка нахмурился:

— Сяо Ци становится всё более и более непослушным.

На другой стороне Чжао Линь, выйдя, пнул молодого евнуха. Он был так зол, что не знал, куда выплеснуть свою ярость. Вернувшись в свой дворец, он вспомнил только что пережитое унижение и едва не сломал зубы от скрежета. Пол комнаты был усыпан осколками вещей, которые он разбил.

Видя его в таком состоянии, одна дворцовая служанка, прислуживавшая ему, дрожащими руками снимала с него одежду, боясь его обидеть, но чем больше она боялась, тем легче было совершить ошибку.

— Ш-ш-ш. — Чжао Линь втянул воздух.

Оказалось, что служанка случайно потянула его за волосы, когда раздевала его. Зрачки служанки сузились, и она поспешно опустилась на колени:

— Ва-Ваше Высочество, прошу, пощадите мою жизнь, эта слуга не хотела.

Чжао Линь без выражения выдрал свои собственные волосы, с оборванными прядями на ладони:

— Пощадить твою жизнь? Хорошо, отбей мне пятьсот поклонов головой, и я пощажу тебя.

Юная дворцовая служанка дрожала и билась головой о землю. Чжао Линь присел на корточки и посмотрел на её окровавленное лицо. Гнев, который он только что испытывал, немного утих, и он нашёл некое чувство равновесия с дворцовой служанкой.

Он смотрел некоторое время, почувствовал скуку и махнул наружу:

— Придите, вытащите её.

— Забейте до смерти.

— А! Ваше Высочество, прошу, пощадите мою жизнь! Ваше Высочество, прошу, пощадите мою жизнь! Прошу, Ваше Высочество, прошу, простите меня. Моя старая мать всё ещё ждёт, когда я принесу серебро на её лечение. Прошу, Ваше Высочество, сжальтесь надо мной! Прошу, Ваше Высочество!

Она сильно билась головой о землю, издавая глухой звук. Однако во всём огромном дворце жизнь маленькой дворцовой служанки была воистину ничтожна. Никто не заступился за неё, никто не проявил милосердия из-за её слов. Вскоре её утащили четверо евнухов.

Крики наполнили всю комнату, но Чжао Линь, казалось, был глух к ним. После того как другая дворцовая служанка помогла ему надеть одежду, он отряхнулся и медленно произнёс:

— Бедная маленькая жизнь, даже если ты в этом мире, это лишь страдание. Сегодня я буду добр и отправлю твоих родителей к тебе. Не забудь родиться в хорошей семье в следующей жизни.

Дворцовые служанки и евнухи, служившие ему, стояли на коленях. В этот момент его красивое лицо выглядело даже страшнее, чем Якша в Адском мире Асуры.

Закончив дела, он не хотел возвращаться на дворцовый банкет. Его отец, должно быть, уже был там, и его могли бы раскритиковать, если бы он пошёл, так что лучше было не ходить.

Он глубоко вздохнул. Как только он подумал о том, что случилось на дворцовом банкете, гнев, который только что был подавлен, снова вырвался наружу:

— Однажды я заставлю Цзи Юйцзиня заплатить. Не верю, что я ничего не могу сделать с каким-то евнухом!

Как раз в это время евнух пришёл доложить:

— Ваше Высочество, Линь Ин вернулся с посещения родственников.

— Эн.

Линь Ин был евнухом, который служил ему с детства, и можно сказать, что они выросли вместе.

Увидев Чжао Линя таким, Линь Ин понял, что кто-то снова обидел его. Он не спешил и расспросил евнухов обо всей истории. Услышав о дворцовой служанке, Линь Ин нахмурился и вздохнул:

— Похороните её и пусть кто-нибудь незаметно доставит серебро из дворца её матери.

— Да.

Распаковав свои вещи, Линь Ин подошёл к Чжао Линю и сказал:

— Этот слуга Линь Ин приветствует Хозяина. Да будет Хозяин благословлён добрым здоровьем.

Чжао Линь взглянул на него и сказал:

— Встань.

Линь Ин:

— Хозяин, я слышал об этом деле.

— Хех. — Выражение лица Чжао Линя мгновенно изменилось. — Что? Ты, собачий раб, тоже смеешь насмеяться над этим высочеством?

— Хозяин, пощадите мою жизнь. Этот слуга не смеет. — Линь Ин произнёс это без малейшего признака мольбы о пощаде. Он подошёл к Чжао Линю и увидел, что пояс Чжао Линя не был застёгнут как следует, поэтому он обхватил его талию руками сзади и застегнул пояс. Его нос тёрся о его волосы. Глаза Линь Ина потемнели, и он быстро сдержал себя и отпустил его.

Чжао Линь тоже не чувствовал ни малейшего неудобства, словно это было совершенно обычным делом.

Линь Ин отступил на два шага. Он был выше среднего евнуха, с бледным лицом и без бороды. Его голос был гораздо резче, чем у обычного мужчины. У него была заурядная внешность, и он выглядел ещё более заурядным, стоя рядом с утончённым лицом Чжао Линя.

Он поклонился Чжао Линю и сказал:

— Конфликт между Хозяином и Цзи Юйцзинем в основном из-за Чу Иньинь. Всех, кого вы посылали раньше, убили. Мы даже не можем войти в поместье Цзи, но мы всё ещё можем начать снаружи поместья Цзи.

Чжао Линь моргнул, в его глазах промелькнул оттенок интереса:

— Продолжай.

— Да. — Линь Ин продолжил: — Сегодня — хорошая возможность. У нас есть свои люди внутри дворца. Захватить Чу Иньинь будет легко с небольшой хитростью. Вы сможете вернуть её, как только она послужит своей цели. После приёма снадобья, боюсь, даже Чу Иньинь не узнает, что с ней случилось. И для Цзи Юйцзиня будет слишком поздно узнать. Но если Хозяин будет осторожнее, он может даже не узнать.

— Верно! — Чжао Линь хлопнул в ладоши. — Я и забыл, что существует такое снадобье.

— Линь Ин, я и впрямь не могу тебя отпустить! — Чжао Линь дважды рассмеялся и сильно хлопнул Линь Ина по плечу.

Зрачки Линь Ина слегка сузились, и он улыбнулся:

— Пока Хозяину хорошо, этому слуге хорошо. Пока Хозяин доволен, этот слуга может сделать всё, что угодно.

Чжао Линь:

— Иди и всё подготовь. Лучше действовать немедленно.

Линь Ин:

— Да, Хозяин.

—————

На середине дворцового банкета император, казалось, только что вспомнил, зачем он устроил

этот пир. Он вызвал генералов, вернувшихся с этой победной битвы, в центр зала и наградил их множеством вещей.

Чу Фэнцин сжал кулак и посмотрел на генерала. Он никогда не видел жестокости войны, но в его сердце его старший брат был самым стойким человеком. Даже он не мог сдержать слёз, говоря о войне. Его старший брат однажды сказал ему, что он очень хорошо знаком с каждым деревом и каждой травинкой в Лянчэне. Пока он там, город Лянчэн никогда не будет взят. Он всегда будет самой прочной стеной династии Мин, чтобы сдерживать самую свирепую татарскую конницу.

Он и его старший брат не виделись уже два года. Два года назад его старший брат сказал, что привезёт ему лянчэнские деликатесы, когда вернётся на этот раз, но он нарушил своё обещание. Он сдержал обещание перед народом, но не сдержал обещание перед ним.

Армия Чу сдерживала татарскую конницу, но не могла противиться борьбе за власть, упадку человеческой природы или погоне за богатством и славой.

Цзи Юйцзинь взглянул на него, поджал губы и ничего не сказал.

После вручения наград вышла группа певиц и танцовщиц.

Чу Фэнцин опустил глаза, думая о том, что сказал заместитель генерала в прошлый раз, — что всё это было делом рук Цзи Юйцзиня.

Цзи Юйцзинь...

<http://bllate.org/book/17231/1615522>